

Авторъ древней повѣсти о Феодоровской иконѣ Божіей Матери ¹⁾.

Нѣтъ нужды распространяться о побужденіяхъ, которыми руководились мы, избравши предметомъ своего доклада древнѣйшую повѣсть о Феодоровской иконѣ Божіей Матери. Почти всѣмъ, что доселѣ извѣстно намъ о чудесномъ явленіи важнѣйшей святыни родного города и по начальной исторіи его главнаго соборнаго храма, мы обязаны этой самой повѣсти. Она же дала отчасти содержаніе и церковной службѣ на праздникъ пришествія чудотворнаго образа, двукратно въ году гражданами совершаемый. И вотъ причина, по которой рѣдкій изъ изслѣдователей мѣстной исторіи и археологій не пользовался нашею повѣстью: по изъ многихъ замѣчавшихся лишь одинъ о. П. Ф. Островскій, сколько знаемъ, останавливался нарочито своимъ вниманіемъ на ней. Наше чатавъ изъ Милютинскихъ четыхъ-миней въ своемъ „Историческомъ описаніи Костромскаго Успенскаго кафедральнаго собора“ первую половину интересующей насъ повѣсти, онъ помѣстилъ въ параллель съ нею изъ Спасо-Запрудненскаго синодика и начало хорошо извѣстнаго, полагаю, нашимъ слушателямъ „Сказанія о чудотворной иконѣ пречистыя Богородицы Феодоровскія, како отъ Города града принесена бысть на Кострому“. Принявъ повѣсть и сказаніе за одно и то же сочиненіе, лишь отъ времени потучившее незначительную разность въ изложеніи, покойный гуженикъ замѣтилъ о бывшихъ подъ его руками спискахъ повѣсти и

1) Рефератъ, читанный на историко-археологич. съѣздѣ въ Костромѣ въ 1909 году

сказанія, что они, вѣтъ всякаго сомнѣнія, не ранѣе первой трети XVII вѣка и „писаны не съ рукописей, какія были у людей книжныхъ до смутнаго времени въ папемъ отечествѣ“...

Милютинскія четы-минеи писаны въ 1646—1654 годахъ по книгамъ Троице-Сергіевой лавры священникомъ боя-обокъ и по сіе время находящейся съ нею Рождественской церкви Іоанномъ Милютинымъ и его тремя сыновьями. Составитель помѣщенной о. Іоанномъ въ августовской минеѣ повѣсти о Феодоровской иконѣ Богоматери не оставляетъ своего читателя въ совершенномъ недоумѣніи на счетъ источниковъ и времени написанія своего произведенія. „...Что реку или что исповѣмъ о сей пречудней иконе“,—спрашиваетъ онъ себя и самъ же отвѣчаетъ: „Но еже слышахъ отъ много добре вѣдущихъ и иже у себе имуще писаніе до разоренія литовскихъ и польскихъ людей, и азъ съ ними многажды бесѣдовахъ, и вопрошахъ ихъ, и сладце слышахъ отъ нихъ“.—Кто этотъ составитель, столь тщательно допытывавшійся узнать истину о Феодоровской иконѣ Богоматери, и кто были его многосвѣдущіе собесѣдники? Мы не располагаемъ прямыми данными для положительнаго отвѣта на поставленные вопросы, но думаемъ, что послѣдними едва ли не были книжные старцы Сергіевой обители начала 30-хъ годовъ XVII столѣтія, а составителемъ повѣсти—возможное дѣло—самъ священникъ Іоаннъ Милютинъ, въ минеяхъ котораго мы впервые встрѣчаемся съ нею. Въ обоснованіе своего мнѣнія мы прежде всего должны сказать вслѣдъ за другими, что о. Милютинъ не былъ только копистомъ, простымъ переписчикомъ, подобно дѣтямъ его, которымъ „поспѣшенія ради“ безспорно отчасти помогать своимъ „скорымъ писаніемъ“. Его огромный трудъ соединенъ былъ съ усердными поисками и довольно разумной выборкой изъ лаврскихъ рукописей наиболѣе неправныхъ житій и достовѣрныхъ повѣстей. Въ Милютинскихъ минеяхъ „почти всегда можно найти статьи, весьма рѣдкія въ другихъ спискахъ: встрѣчаются даже указанія единственныя въ своемъ родѣ, не попадающіяся больше нигдѣ“. По всему видно, что собиратель ихъ былъ человекъ широко начитанный и любознательный. Любовь къ книгѣ, вѣроятно, и привела молодого Ивана Милютина въ декабрь 1631 года въ Троицкую лавру съ ея „много-

богатной божественныхъ писаній книгохранилищей“. Родомъ нижегородецъ изъ Балахны, Милютинъ встрѣтился здѣсь съ своимъ землякомъ—бывшимъ соборнымъ протопопомъ тоже города Балахны старцемъ-книгохранителемъ Іоасафомъ Кирьяковымъ, который, зная Ивана, какъ юношу изъ зажиточной и, повидимому, духовной семьи, а можетъ быть, приходясь ему отчасти и сродни, не преминулъ свести его съ выдающимся книгописцемъ того времени въ обители Сергіевой—іером. Германомъ Тулуповымъ, трудившимся тогда надъ изготовленіемъ тѣхъ самыхъ четыхъ-мнѣй, съ которыхъ, полтора десятка лѣтъ спустя, такъ много пришлось списывать Милютину. Одинъ старецъ по знакомству открылъ доступъ къ книгамъ пылливому послушнику, а другой, какъ кажется, своимъ личнымъ примѣромъ развилъ въ душѣ его склонность къ занятіямъ агіографическимъ. Не даромъ же много позднѣе о Іоаннѣ не разъ заговаривалъ о своихъ наставникахъ и архим. Цюппіи, какъ „мужахъ добродѣтельныхъ и рачителяхъ божественныхъ писаній“, въ сосѣдствѣ съ которыми онъ занимался своимъ нравственнымъ усовершенствованіемъ и умственнымъ образованіемъ.

Учасъ въ лаврской библіотекѣ „книжной мудрости“, которую на закатѣ дней своихъ ставилъ выше „свѣтлости солнечной“, о. Іоаннѣ „много вопрошалъ“, по его собственному признанію, „у выснихъ себе разумомъ и ученіемъ“. И легко представить генеръ, подлѣ чего вращались его разспросы. Одна духовная мудрость не могла, понятно, занять всего времени у собесѣдниковъ. И повоначальнаго инока и убѣленныхъ сѣдинами старцевъ тянуло въ часы досуга и длинныхъ бесѣдъ къ милой сердцу родинѣ. Балахонцы говорили о Балахнѣ, о находившемся по сосѣдству Городцѣ, о костромскихъ угодникахъ, монастыряхъ и достопамятностяхъ и, какъ люди книжные, уходили въ прошлое для нихъ священныхъ по воспоминаніямъ мѣстъ. А въ этомъ прошломъ, какъ отчасти и въ настоящемъ, стояла предъ нихъ мысленнымъ взоромъ одинаково дорогая и общая для обоихъ святыня, чудотворная икона Богоматери, почти за четыре вѣка предъ тѣмъ, съ разореніемъ Городца татарами, не восхотѣвшая оставаться на мѣстѣ пустѣ и принявшая „во одержание градъ Кострому и съ предѣлы его“. „Много и добре вѣдавшіе“ старцы рассказывать послушнику о странномъ

Батыевомъ погромѣ и о злѣключеніяхъ, пережитыхъ тогда отъ поганыхъ ихъ родными мѣстами. Бывшій Балахонскій протопопъ повѣдалъ, конечно, своему юному совопроснику и о необычайныхъ обстоятельствахъ, коими сопровождалось нѣкогда на Костромѣ явленіе иконы Богоматери: онъ же, можно догадываться, обладалъ, наряду съ другими, и письменнымъ, въ набѣги польско-литовскихъ людей затерявшимся, сказаніемъ объ этомъ выдающемся въ мѣстномъ краѣ событіи. Обстоятельства того времени, а больше всего начавшееся съ избраніемъ на царство Романова усиленно-благоговѣйное чествованіе Теодоровской иконы Богоматери на Москвѣ, въ особенности на верху у самого государя, давали лишній поводъ нашимъ давнимъ землякамъ дѣлиться впечатлѣніями отъ воскресавшихъ непроизвольно въ ихъ памяти происшествій родной стороны. Эти бесѣды съ старцами, по прошествіи двадцати лѣтъ вспомнились о. Іоанну и дали ему отчасти матеріалъ для разсматриваемой теперь нами повѣсти.

Сравнивая послѣднюю съ произведеніями, вылившимися безспорно изъ-подъ пера о. Іоанна Милютина, съ его предисловіями, послѣсловіями и разнаго рода замѣтками, въ значительномъ чистѣ разсѣянными по его обширному житіиному собранію, легко подмѣтитъ поразительное порой сходство между ними въ литературныхъ пріемахъ, въ складѣ не вездѣ по строенію правильной, но всегда опредѣленной рѣчи, въ самомъ слововыраженіи. Задавшись мыслию собрать въ мшескихъ своихъ чтеніе душеполезное, Милютинъ, подобно славнымъ предшественникамъ своимъ, архіеп. Новгородскому Макарію и іером. Герману Тулупову, всячески старался не вносить въ нихъ писаній отреченныхъ, статей ложныхъ или еретическихъ, исправлять въ житіяхъ несправное, опускать въ сказаніяхъ явно погрѣшительное, согласовать въ повѣстяхъ противорѣчивое. Передавая ходившія о той или другой статьѣ сомнѣнія, читать ее или нѣтъ, о. Іоаннъ нерѣдко пишетъ: „Вѣдомо буди и о семъ, яко во многихъ слышится распря: овѣи глаголють сице, овѣи же иначе, и о семъ да престанеть распря и вѣдома будетъ истина, и нынѣ азъ, попъ Иванище, обрѣтохъ въ сихъ книгахъ истину“..., и далѣе обычно слѣдуетъ результатъ его изысканій, примиреніе разногласій. Такъ и авторъ повѣсти о Теодоровской иконѣ Богоматери, упомянувъ въ началѣ, что ему многократно при-

ходилось разспрашивать о ней, бесѣдовать съ людьми хорошо и много знающими, замѣчаетъ также: „...и овѣи глаголаху тако, инѣи инако, но мню, яко сѣму быти истиннѣ, о еже хощу повѣсти сея коснуться и написать“. Однородность писательской манеры, текстуальныя совпаденія подобно только что приведенному, не представляются намъ случайными и въ связи со всѣмъ, доселѣ сказаннымъ объ о. Іоаннѣ Милютинѣ, скорѣе подтверждаютъ нашу догадку о принадлежности ему трактуемой повѣсти.

Кто бы впрочемъ ни былъ признанъ въ наукѣ составителемъ послѣдней, справедливость требуетъ сказать о немъ, что онъ былъ писатель разборчивый и во всякомъ разѣ болѣе осторожный въ передачѣ историческихъ фактовъ, чѣмъ его продолжатели, отъносительно позднѣйшіе „сказатели“. Отстоя на нѣсколько столѣтій отъ повѣствуемыхъ событій, онъ ясно датируетъ Батыево нашествіе, но умалчиваетъ о времени мѣстныхъ происшествій, напримѣръ, явленія чудотворной иконы Феодоровской, сооруженія для нея каменнаго храма великимъ княземъ Василіемъ Квашней; не называетъ послѣдняго *Георгіевичемъ* вмѣсто *Ярославича* и вѣнкомъ благовѣрнаго князя Александра Невского, какъ то дѣлаетъ ошибочно его интерполяторъ—авторъ находящагося въ Спасозащитинскомъ синодикѣ „сказанія“. Замѣчаемая въ повѣсти недостаточно-ясныя мѣста, какъ то: о построеніи деревянныхъ церквей и понятная въ устахъ писателя XVII вѣка неточность въ наименованіи князя Василія Ярославича не только Костромскимъ, но и *Галицскимъ*, искупаются у него нѣкоторыми на мой взглядъ цѣнными и совершенно опредѣленными указаніями по части древнѣйшей топографіи и церковной археологіи города. Обращу ваше просвѣщенное вниманіе на одно изъ нихъ.

Сказавъ, что „чудотворная икона Богородицына принесена отъ Городца града на Костромѣ Феодоромъ Стратилатомъ“, авторъ повѣсти поясняетъ: „попсеже въ тѣ времена бысть на Костромѣ соборная церковь во имя великом. Феодора Стратилата, *что на площадкѣ*“. Въ приведенныхъ словахъ въ высшей степени примѣчательно и констатированіе участія въ чудесномъ явленіи иконы могущественнаго покровителя города и точное указаніе мѣстоположенія посвященнаго ему и, можетъ быть, древнѣйшаго въ городѣ храма. Въ нихъ

идеть рѣчь не о площадкѣ, на которой стоитъ всѣмъ извѣстная церковь Воскресенія, и не о площади предъ теперешними соборами или стараго кремля костромского; авторъ повѣсти разумѣетъ площадь, гдѣ въ теченіе почти шести столѣтій находился храмъ Теодора Стратилата, который хорошо знаютъ и единственно только его одного изъ всѣхъ городскихъ церквей въ XIII—XIV вѣкахъ называютъ лѣтописи. Построенный, полагаютъ, въ честь своего ангела великимъ княземъ Ярославомъ Всеволодовичемъ по близости нынѣшней Богоотцевской церкви, гдѣ долгое время городская жизнь была ключемъ, и ради скученнаго населенія ставилось всего больше храмовъ Божіихъ, онъ служилъ на пространствѣ столѣтій религіознымъ средоточіемъ города, былъ въ немъ главною церковью. Какъ таковой, св. Теодоръ былъ предметомъ самыхъ теплыхъ заботъ жителей и въ числѣ ихъ самихъ князей, мѣстомъ ихъ молитвъ и исключительныхъ церковно-гражданскихъ событій. Не безъ основанія онъ, а не другой-какой храмъ удостоился чести стать первымъ селеніемъ явленной на Запруднѣ иконы Богоматери. Вел. князь Василій Ярославичъ послѣ того, какъ деревянная церковь Теодора Стратилата дважды не въ долгихъ сгорѣла, задумалъ „воздвигнуть церковь каменную соборную“ на новомъ мѣстѣ, „внутри града“—въ кремль, „во имя пресвятыя Богородицы, честнаго и славнаго Ея Успенія“ съ придѣломъ, въ діаконикѣ ея, въ честь великомученика Теодора Стратилата и перенести въ нее чудотворную икону Богоматери. Въ его средствахъ и силѣ было осуществить на дѣлѣ задуманное предпріятіе, устроить новый храмъ, оградить его рвами и земляною осыпью, создать изъ Костромского кремля образцовую по тому времени крѣпость, за стѣнами которой въ XIV—XV столл. укрывались отъ враговъ и среди собственныхъ усобицъ сами собиратели Руси—московскіе князья, а въ XVI—XVII вв. лучшіе люди, знатные и богатые, имѣли на случай лихолѣтя свои *осадные* дома. Но не во власти Костромского, хотя бы и великаго князя, было перемѣстить разомъ центръ церковно-общественной жизни цѣлаго и не-маленькаго города, заставить жителей и въ числѣ ихъ соборянъ внезапно и безпричинно покинуть предками населенныя мѣста, забыть вѣковую святыню. Понадобилось пройти не одному столѣтію, чтобы часть жителей постепенно раз-

раставшагося древнѣйшаго поселенія естественно отлила отъ устья Костромы въ направленіи княземъ съ боярами заложеннаго города; чтобы связанныя съ храмомъ св. Θεодора—этими старымъ палладіумомъ города священные воспоминанія сами собой перешли въ новый каменный „пречистыя Богородицы чудотворныя иконы Θεодоровскія соборъ“. Будучи по началу филиальнымъ отдѣленіемъ возобновленной послѣ пожара церкви св. Θεодора, послѣдній долгое время былъ по существу своего рода *выставочною* церковью, не имѣлъ первостепеннаго церковно-богослужебнаго значенія въ городѣ. Даже во второй половинѣ XVI в. и въ самомъ началѣ XVII-го царскія жалованныя и разнаго рода святительскія грамоты по прежнему пишутся и посылаются въ Кострому на имя протопопа „Соборныя церкви Θεодора Стратилата“. Словъ нѣтъ, съ конца XVI вѣка изрѣдка онъ уже называется въ нихъ и Пречистенскимъ или Богородицкимъ, но нужно было помимо благоговѣнія жителей предъ иконою Царицы Небесной, какое-либо стороннее и сильное воздѣйствіе, чтобы поставить Успенскій соборъ рядомъ съ Θεодоровскимъ и даже выше его. И такая могущественная поддержка была несомнѣнно оказана ему Москвой, точнѣе царемъ Михаиломъ Θεодоровичемъ, который „милости ради пречистыя Богородицы, чудотворной иконы Θεодоровскія“, явленной его дому, началъ оказывать ему явное предпочтеніе и въ своихъ грамотахъ на Кострому писалъ уже протопопу „соборныя церкви пречистыя Богородицы и Θεодора Стратилата“. Царь Алексѣй Михайловичъ, отправляясь, разумѣется, отъ московскихъ порядковъ, именовать Костромской Успенскій соборъ „большимъ“ соборомъ. Онъ имѣлъ, конечно, при этомъ въ виду и его высокое, постепенно-выросшее религіозно-общественное значеніе и его главенствующую въ то время роль въ ряду другихъ соборовъ города. Не нужно забывать, что костромскія церкви съ довольно многочисленнымъ духовенствомъ при нихъ, какъ и церкви всѣхъ остальныхъ болѣе или менѣе большихъ древне-русскихъ городовъ, въ богослужебно-административномъ отношеніи дѣлились на такъ называемые теперь въ Москвѣ сороки, имѣвшіе каждый свой соборный храмъ. Документально мнѣ извѣстны въ Костромѣ соборы: Троицкій, Вознесенскій, а надъ ними сначала Θεодоровскій, а потомъ заступившій

его Успенскій. Древняя соборная церковь св. Теодора Стратилата на Мшапской улицѣ за Судой, отъ времени обветшавшая и исподоволь утратившая свое бывшее значеніе, не покинутая только своимъ духовенствомъ, которое еще продолжало жить подлѣ нея и отсюда ходить служить въ Кремль, въ 30-хъ годахъ XVII стол. стояла уже безъ пѣнія, даже безъ иконъ и утвари, которая по необходимости должна была уступить собору Успенскому, а потомъ, чрезъ какіе-нибудь три десятка лѣтъ, и совсѣмъ почти исчезла изъ народной памяти и со стогаъ города. И на долю церковнаго археолога выпала, не скажу, чтобы благодарная задача, при руководствѣ памятниковъ, въ родѣ повѣсти, нами кратко разсмотрѣнной, разыскивать теперь мѣсто, на которомъ въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ стояла соборная церковь, гадать даже о той самой площади, на которой концентрировалась нѣкогда жизнь нашего богохранимаго города ¹⁾.

† А. П. Голубцовъ.

¹⁾ О возраженіяхъ, вызванныхъ рефератомъ, см. „Извѣстія IV Областного историко-археологическаго съѣзда въ г. Костромѣ“ № 7, стр. 8—9 (веч. засѣданіе 26 іюня 1909 г.) — Сл. также нѣкоторыя замѣчанія по вопросамъ разбираемымъ въ рефератѣ, высказанныя покойнымъ профессоромъ незадолго передъ смертью въ отзывѣ о кандидатской работѣ свящ. о. Дим. Лебедева, — „Журн. Совѣта Моск. дух. академіи за 1911 г.“ за сѣданіе 7 іюня.